

7. А.Н.Бернштам Истоки культуры. Древняя Фергана - Ташкент. Изд-во академии наук Уз ССР 1951- 45с.

8. Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, Типография Императорского Университета, 1888. С. 215.

9. С.П.Поляков. Хозяйство населения Средней Азии. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. Изд-во Московского университета, 1980, С.172.

10. Н.Н.Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. //Труды АН Таджикской ССР, т. XXVIII. 1960.

11. О.А.Сухарева, М.А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент. 1955.

12. Л.С.Толстова. Каракалпаки Ферганской долины. (Историко-этнографический очерк). Нукус. 1959.

13. А.С.Миддендорф. «Очерки Ферганской долины». СПб. 1872.

14. Современный кишлак (аул) Средней Азии. Социально – экономический очерк под редакцией Б.Б. Карпа и И.Е. Суслова (вып. I-XI Ташкент, 1926-1927);

15. “Материалы по киргизскому землепользованию”. Ферганская область, Андижанский уезд. Ташкент, 1913; Материалы по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области. Ташкент, 1914; Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды) Ташкент – 1915

16. А.Аширов. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. 2007 й. 270 б.

17. Гозиев М.Х. Чорва ҳайвонларидан олинадиган маҳсулотлар ва улар билан боғлиқ ҳунарлар. Сборник статей Международной научно-практической конференции “Инновационные идеи, разработки и современные проблемы применения их в производстве и образовании”. Андижанский государственный университет имени Захириддина Мухаммада Бобура. Андижан, 2019.

*Fahriddin Kadirov, Senior investigator of the police Department
Mirzo-Ulugbek district of Tashkent*

**ANALYSIS OF THE NORMS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE THAT USE
THE TERM "PROCEDURAL ACTIONS":**

PROBLEM AND SOLUTION.

Kadirov F.F.

Abstract: The article analyzes the norms of the criminal procedure code used the term “procedural actions”, identifies existing problems and shortcomings related to the content of this term. The author developed a definition of the concept of “procedural actions”, scientifically grounded proposals and recommendations for its reflection were made on its reflection in the current Criminal procedure code.

Key words: procedural actions, pre-investigation check, inquiries, investigative actions, judicial actions.

Лица, непосредственно и опосредственно привлеченные в уголовно-судебный процесс, обычные граждане или сотрудники, применяющие уголовно-процессуальные нормы в ходе делопроизводства в основном используют термин следственные действия.

Действительно, стадия досудебной работы составляет суть уголовно-судебного процесса. Поэтому действия, осуществляемые в данном этапе, называются следственными действиями, на основании доказательств, собранных в ходе их реализации, делается вывод о наличии или отсутствии элементов преступления. Термины следствия и судебных действий, внесенные в УПК, принятый в 1959 году, также служат для него основой. В частности, в статье 113¹ УПК определены сроки проведения следственных действий или статья 50 устанавливает протоколы расследования и судебного разбирательства в качестве источника доказательств или же статья 196 предусматривает порядок обжалования действий прокурора, проводящего предварительное следствие или определенных следственных действий. Конечно, Такой подход законодателя логически соответствовал структуре УПК и содержанию норм. Однако действия, относящиеся к этапу предварительного следствия, а также действия, которые могут быть предприняты защитником, не регулируются статьями УПК.

Другими словами, хотя законодательный орган уделял основное внимание основаниям и срокам возбуждения уголовного дела, а также отказу и апелляции, он упустил из виду объем действий, которые должны быть предприняты на стадии возбуждения уголовного дела и порядок их совершения. Кроме того, при определении процессуального статуса защитника не упоминается порядок выполнения действий, предпринимые им для защиты подзащитного им лица.

Что касается действий, связанных с оперативно-розыскными мероприятиями, то введение нормативной нормы считалось полностью противоречащим проводимой в то время уголовной политике. Однако

действия, упомянутые выше, относятся к числу действий, представляющих процесс уголовного правосудия. Была предпринята попытка устранить этот очевидный недостаток в УПК 1994 г., в результате которого был введен новый термин «процессуальные действия» в уголовно-процессуальное законодательство страны.

С одной стороны, это новшество оцениваясь положительно, *прежде всего*, призывает законодателя регламентировать действия, которые должны быть предприняты на стадии возбуждения уголовного дела, действия адвоката, связанные с защитой и действия оперативно-розыскного содержания. *Во-вторых*, наряду с их регулированием он также определил их процессуальную позицию. Но термин процессуальное действие был введен в уголовно-процессуальное законодательство и, по мнению Е.Г. Лукьяновой [4], он также вызвал некоторые проблемные ситуации.

Первая проблемная ситуация - это необходимость вносить ясность в пропорциональность между следственными и судебными действиями с точки зрения содержания процессуальных действий.

Если учесть требования статьи 27 УПК, эта статья определяет порядок обжалования законодателем процессуального действия или решения дознавателя, следователя, прокурора, судьи и суда. В свою очередь, если говорить о статье 150 УПК, касающейся процедурных действий, связанных с эксгумацией трупа, в том числе попытками осмотреть труп, идентифицировать его и взять образцы для экспертизы. Таким образом, законодательный орган, предлагая более широкое понимание процессуальных действий, подчеркнул, что следственных действия также выражаются его процессуальным характером.

Процессуальные действия в законодательстве и неопределенность аналогичных терминов Ю.С. Ващенко описывает как «абстрактное место». Учитывая, что законы используются не только судами или государственными служащими, но и гражданами, он предлагает не использовать абстрактные термины и правила, и что к ним следует подходить с точки зрения «фактической точности» и «соответствующей ясности» [1].

Следовательно, когда речь идет о процессуальных, следственных и судебных действиях, будет не очень правильным предполагать о пропорциональности между ними. Потому что, становиться ясным, что действия, предпринятые до и во время судебного разбирательства, являются внешними и внутренними. По их внешнему виду, действия, предпринятые в процессе доследственной проверки, могут быть названы действиями доследственной проверки, действия, предпринятые в процессе дознания, называться действиями дознания, действия, предпринятые в процессе предварительного следствия, называться

следственными действиями, действия, предпринятые в судебном процессе, называться судебными действиями, но трудно сразу определить, к какому процессу относятся эти процессуальные действия.

По мнению законодателя, процессуальные действия служат проявлением всех внешних действий, которые совершаются до следствия, предварительного следствия и суда. Это можно увидеть и в поправках и дополнениях, внесенных в УПК за последние годы. В частности, согласно части 4 статьи 39² УПК, на должностное лицо органа, проводящий доследственную проверку или оперативно-розыскную деятельность, возлагается осуществление определенных процессуальных действий и оперативно-розыскной деятельности по делу и оказание следователю, дознавателю помощи в совершении процессуальных действий.

Часть 5 нормы предусматривает, что должностное лицо органа, проводящее доследственную проверку, при совершении доследственной проверки, а также при выполнении поручений следователя, должен совершать процессуальные действия и принимать решения в соответствии с правилами, установленными настоящим Кодексом.

В разделе 4 статьи 91 подчеркивается, что обзор места происшествия, обыск, проверка показаний на месте происшествия, следственный эксперимент - это процессуальное действие. Однако, статьи 91¹-91⁴ предусматривают проведение следственных действий посредством видеоконференцсвязи, а не процессуальных действий. Анализ норм УПК дает основание сделать вывод о том, что законодатель использовал термин «следственное действие» только в том случае, если он намеревался подчеркнуть, что это действие предусмотрено в части 1 статьи 87 УПК.

Если исходить из внутреннего вида процессуальных, следственных и судебных действий, то мы можем заметить, что действия, регулируемые статьями УПК, имеют одинаковый внутренний порядок по содержанию, то есть, основания и порядок их совершения одинаковы. Обычно они отличаются друг от друга субъектом их совершения и некоторыми особенностями оформления. Точнее, если следователь принимает решение о совершении определенных процессуальных действий, то суд удовлетворяется только принятием постановления. Из этого видно, что процессуальные действия не являются объектом определения пропорциональности следственных и судебных действий с точки зрения внешнего и внутреннего вида. Потому что, следственные и судебные действия различаются не по содержанию, а по этапу их проведения.

Вторая проблемная ситуация. Доследственная проверка, действия, совершаемые в ходе судебного процесса, дознание, предварительное следствие, судебное разбирательство или процессуальные действия,

проводимые с целью быстрого и полного выявления преступлений, наказания определенного лица, совершившего преступление, а также отказ от наказания и осуждения невиновного лица, раскрытие виновного не являются случаями, привлекающими внимание практика. Может быть, поэтому Б.Х. Пулатов понимает, что следственные действия также проводятся в ходе судебного следствия [7].

Согласно содержанию части 1 статьи 87 Уголовно-процессуального кодекса, действия, совершенные в ходе предварительного следствия, называются следственными действиями, а действия, совершенные в ходе судебного разбирательства, называются судебными действиями. Однако, досудебная стадия не ограничивается предварительным следствием, но и включает в себя доследственную проверку и этапы дознания. Если законодатель, согласно УПК 1959 года, основываясь на вышеупомянутой логике, называет действия, которые должны быть предприняты в ходе дознания, как действия дознания (в частности, пункт 3 статьи 100 УПК гласит, «после того, как дознаватель считает, что расследование завершено ...» или в пункте 2 статьи 105 говорится, что «дознание по делам, в которых предварительное расследование не является обязательным, должны заканчиваться формированием обвинительного заключения и прекращением дела»), тогда действия, предпринятые на этапе предварительного расследования, должны логически называться действиями предварительного расследования. Однако, в части 2 статьи 329 действующего УПК отмечается, что законодательный орган, признавая действия, предпринятые до возбуждения дела, тем самым запретил проведение других следственных действий.

Тексты этих статей формировались на основе изменений и дополнений в УПК в разные периоды, в результате чего была нарушена логика присвоения названий процессуальным действиям, совершаемых на разных этапах уголовного судопроизводства. Кроме того, в тексте цитируется понятие следственных действий как обобщающая концепция процессуальных действий, требующее, чтобы следственным действиям был придан статус процессуальных действий и чтобы та же ситуация стала одним из факторов, вызывающих вышеупомянутые проблемные ситуации.

Известно, что судебные действия осуществляются на основе принципов расследования уголовных дел в коллегиальном и индивидуальном порядке, открытости уголовных дел в суде, участия общественности в рассмотрении уголовных дел, прямого и устного изучения доказательств, а также не требуется оформление отдельного протокола для каждого предпринятого действия.

Если, основываясь на этой логике законодательного органа, мы понимаем следственные и судебные действия с точки зрения содержания

как отдельные действия, тогда непонятно, что состав обоих действий составляет одна и та же систему действий.

Фактически, поскольку это разные действия, они также должны состоять из определенной системы действий. Это еще раз подтверждает наш вывод о том, что вышеуказанные следственные и судебные действия различаются не по своей внутренней структуре, а по внешнему виду.

Однако, по словам И.Л. Петрухина, следствие и все другие процессуальные действия могут быть проведены только после возбуждения уголовного дела. В частности, нельзя применять принудительные меры уголовного процесса (обыск, изъятие почтовых телеграмм) до возбуждения уголовного дела. Но, возбуждение уголовного дела основано на действиях, предпринятых до возбуждения уголовного дела, и, следовательно, этот этап считается этапом доследственной проверки.

Как правило, необходимые, а в некоторых случаях достаточные материалы собираются именно на этапе доследственной проверки [5; (А. Панюков также высказал свое мнение по этому вопросу)]. По мнению ученого, эти материалы имеют непроцессуальную форму и только после возбуждения уголовного дела и последующих процессуальных действий, они в результате приобретают процессуальную форму. Возможно, исходя из этого, сложившаяся сегодня практика превратила доследственную проверку в непроцессуальную форму дознания и предварительного расследования [6].

А.Н. Халиков, который проводил исследования по оптимизации досудебного процесса, обратил внимание на получение информации, не имеющей доказательного значения, во время досудебного расследования с целью определения качества и динамики доказательств, собранных в период досудебной стадии. По его мнению, если сегодняшнее уголовно-процессуальное законодательство оставляет стадию возбуждения уголовного дела без надзора, то действия, которые должны быть предприняты до возбуждения уголовного дела (обыск, выемка, эксгумация и т. д.), будут ограничены определенными процессуальными действиями, необходимыми для поиска виновного и доказывания его вины. Такая ситуация не только препятствует своевременному раскрытию преступления, выявлению виновного и доказыванию его вины, но приводит к некоторым грубым нарушениям, то есть отклонению или возбуждению необоснованного уголовного дела [10].

Кроме того, это приводит к грубому нарушению норм, касающихся стадии возбуждения уголовного дела с целью выполнения положений уголовно-процессуального законодательства, в частности, сроков доследственной проверки. Причина заключается в том, что объем процессуальных действий, которые могут быть совершены на стадии

возбуждения уголовного дела, ограничен, а содержание предварительного расследования состоит из рассмотрения и проверки документов, а также оперативно-розыскных мероприятий, проводимых специалистом. Это делает актуальным необходимости расширения возможностей этапа возбуждения уголовного дела. Следует также отметить, что в законодательстве многих зарубежных стран вообще не предусмотрены стадии возбуждения уголовного дела и поэтому должностные лица, проводящие доследственную проверку, начинают собирать доказательственную информацию, как только получают информацию о преступлении (Австрия, ГФР, США и другие).

Действительно, этап предварительного расследования трудно признать отдельным этапом, аналогичным этапу предварительного расследования с точки зрения его процессуального статуса. Потому что, хотя объем процессуальных действий на данном этапе ограничен, по наблюдениям опрошенных экспертов почти все следственные действия, перечисленные в статье 87 УПК, осуществляются на стадии возбуждения уголовного дела.

Видно, что законодательный орган определил этап возбуждения уголовного дела как отдельный этап, но не регламентировал сбор документов, собранных на этом этапе, в частности, запрос дополнительных документов и комментариев, задержание, осмотр места происшествия на основании их процессуального статуса. Это видно по тому факту, что экспертиза, проводимая в ходе предварительного следствия, осмотр места происшествия, правила проведения следственных действий были применены в стадии возбуждения уголовного дела, а также можно это увидеть при возникновении случая необходимости сбора, изучения и освещения процесса оценки доказательств.

Хотя требования УПК предусматривают запрос дополнительных документов и комментариев с точки зрения процессуальной формы, условия, последовательность и порядок их проведения подробно не описаны в кодексе. Естественно, что включение действий, не имеющих процессуальной формы, в перечень процессуальных действий ставит под сомнение признание информации, полученной в результате их передачи в качестве доказательства.

Аналогичная ситуация прослеживается в существовании проблем с определением процессуального статуса защитника в уголовно-процессуальном законодательстве. Статья 53 УПК предусматривает, что адвокат защиты является участником процесса доказывания и должен предпринимать определенные действия для защиты своего клиента, которые могут быть иницированы защитником, но объем этих действий

ограничен проведением допроса, получением письменных объяснений, характеристик и других документов.

С этой точки зрения, законодательный орган предусматривает, что эти действия могут быть выполнены защитником, подчеркивая, что принцип состязательности может быть применен при доследственной проверке, дознании и предварительном расследовании, но условия, последовательность и процессуальный порядок таких действий не регулируются другими статьями УПК. А это приводит к возникновению нескольких проблемных предположений.

Во-первых, допрос защиты, получение письменной объяснительной и запрос на справку, характеристику и другие документы включают в себя такие действия как допрос, арест, рассмотрение и представление, предусмотренные УПК.

Во-вторых, адвокат защиты не может проводить «адвокатское расследование» одновременно с правом допроса, получением письменной объяснительной и отправкой запроса на справку, характеристику и другие документы. Потому что процессуальная форма допроса, письменной объяснительной и запрос защитника на справку, характеристику и других документов не определены в УПК. И здесь возникает вопрос, служат ли доказательствами документы, которые запрашиваются по инициативе защитника и представляются дознавателю и следователю?

По словам С.А. Шейфера, все справки, характеристики и другие документы, связанные с расследованием уголовного дела, имеют процессуальную форму, поскольку они проводятся в рамках закона, а доказательства, полученные в результате их передачи, должны быть включены в уголовное дело в качестве доказательства [11]. Однако, М.С. Строгович и И.Л. Петрухин считают, что доказательства могут рассматриваться как доказательства только тогда, когда они оформлены в процессуальном порядке [7; 9].

По мнению ученых-процессуалистов, действия, предпринятые в ходе уголовного разбирательства, могут быть процедурными или непроцедурными в зависимости от процессуальных формальностей, а также от доказательной ценности материалов, собранных в результате действий, и от того, были ли действия совершены лицами с процессуальными полномочиями. Такая искусственная классификация, которая не обоснована с точки зрения уголовно-процессуального права, препятствует выполнению функций уголовно-процессуального законодательства. Так как, по их мнению, данные, собранные в результате «непроцессуальных», [2; 3] действий, не имеют права на включение в доказательную базу. Наиболее опасным аспектом этой ситуации является то, что деятельность органов защиты и оперативно-розыскных органов в

уголовно-судебном процессе объявляется непроцессуальным и ведет к их исключению из сферы процессуального процесса. Тем не менее, в части 1 статьи 87 УПК отмечается, что доказательства собираются не только в ходе расследования и судебного разбирательства, но и в результате оперативно-розыскных мероприятий.

Интересно, что, несмотря на то, что термин процессуальные действия отражен в нормах УПК, до сих пор в литературе процессуальные действия подразумевает следственные действия.

Большинство ученых интерпретируют следственные действия в широком смысле, включая почти все процессуальные действия следователя, процессуальные решения, которые он или она принимает и даже организационную поддержку и правоприменительные процессы. Хотя цель этих действий заключается не в сборе и консолидации доказательств, а в обеспечении прав участников процесса, в предоставлении необходимых условий в процессе следствия (например, объявить подсудимому о завершении предварительного расследования и объяснить ему/ей право на ознакомление с материалами дела), так как проведено предварительное следствие, их также следует называть следственными действиями. Конечно, они не включены в перечень действий, имеющих доказательственное значение, но их проведение *обеспечивает ведение уголовного дела в этапе досудебного расследования*. Поэтому они могут быть включены в список ***поддерживающих или вспомогательных действий***.

Если принять во внимание, что досудебная стадия дела, в дополнение к стадии предварительного расследования состоит из стадий доследственной проверки, возбуждения уголовного дела и дознания, в этом случае действия, предпринятые в ходе предварительного следствия, не охватывают досудебные этапы с точки зрения внутреннего и внешнего форм действий. А это определяет «процессуальное действие», отраженное в действующем УПК, которое не зависит от действий, совершенных на стадии досудебного расследования, но охватывает все виды (основанные на доказательствах, подтверждающие) действий, представляющие собой содержание доследственной проверки, оперативного розыска, дознания, предварительного следствия и судебной деятельности, определяет понятие «процессуальных действий», отраженных в действующем УПК в следующем контексте и обосновывает целесообразность его использования в качестве единого критерия: **«Процессуальное действие - это доследственная проверка, оперативно-розыскная деятельность, а также дознание, предварительное следствие и судебное разбирательство дознавателем, следователем, прокурором, судом (судьей) и защитником в досудебном производстве и судебном разбирательстве, предусмотренные нормами уголовно-процессуального**

права, который являются соответствующим процессуальным действием, а также дополнительным документом, имеющим фактическую ценность или подтверждающую рекомендацию, который используется в ходе судебного разбирательства».

В заключение можно отметить, что признание вышеуказанного определения в отдельной статье в первом пункте общей части УПК ограничивает процессуальный и непроцедурный характер деятельности дознавателя, следователя, прокурора, суда (судьи) и защитника.

REFERENCES

1. Vashchenko Yu.S. On the communicative accuracy of the legislative text in lawmaking // Russian Justice. – M., 2006. No. 4. - P. 58.
2. Criminal Procedure B.A. Edited by Mirensky. - T., 2004. - P. 218.
3. Criminology II (Textbook for university students). G'.A. Under the general editorship of Abdumajdov. "Justice." - T., 2003. - P. 21.
4. Lukyanova E.G. Trends in the development of procedural legislation in the light of the general theory and law // State and Law. – M., 2003. No. 2. - P. 105.
5. Panyukov A. Procedural activity without initiating a criminal case // Russian Justice. – 2003. No. 5, - P. 51-53
6. Petrukhin I.L. Initiation of a criminal case under the current Code of Criminal Procedure // State and Law. – 2005. No.1. - P. 64.
7. Petrukhin I.L. Theoretical foundations of the reform of the criminal process in Russia. – M., 2004. - P. 14;
8. Pulatov B.X. Importance and prospects of judicial and legal reforms in Uzbekistan // Judicial and legal reforms in the Republic of Uzbekistan: current status, problems and solutions / Republican scientific-practical conference. Tashkent, "Academy" 2008. - P. 40-44.
9. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process. - T.1, - M., 1968. - P. 302.
10. Halikov A.N. Issues of pre-trial proceedings // Russian Justice. – M., 2008. – No. 9, - P. 50.
11. Sheifer S.A. Where is the Russian court proceeding? (reflections on the vectors of development of criminal procedure legislation // State and Law. – M., 2005. – No.1. - P. 67.